

НОВОЕ О ВОССТАНИИ К. БУЛАВИНА

Наименее изученным звеном в цепи крестьянских войн XVII-XVIII столетий является восстание 1707-1709 гг., начатое Булавиным.

Первые историки XVIII в. не задавались целью сохранить для потомства его биографию¹. С трудом пробивалось имя Булавина на страницы публикаций и исторических исследований в XIX в.².

Лишь Октябрьская революция открыла широкие возможности для изучения истории народных масс и народных волнений. В 1935 г. было опубликовано неизмеримо больше документов из истории Булавинского восстания, чем за предшествовавшие два с четвертью века³. В 30-е же годы появились первые советские исследования о Булавинском восстании⁴. Однако по мере углубленного изучения восстания стало очевидно, что многие вопросы его истории остаются неясными⁵ из-за отсутствия ряда документов. Настоящая публикация в известной степени восполняет этот пробел.

Публикуемые материалы относятся к 1708 г., когда движение было на взлете и ширилось, распространяясь с Дона в центральные русские уезды и Поволжье и принимая все более отчетливый характер крестьянского восстания. Они расширяют наши знания по истории восстания, вносят много фактов в нее, обогащают скудные данные о деятелях восстания и, в частности, о самом К. А. Булавине; в пыточных речах булавинцев мы слышим голоса восставших, а в биографиях черпаем материал о социальном составе повстанцев.

Так, выясняются подробности ареста старшин 1 мая в Черкасске (см. док. № 1); раскрывается картина заговора против Булавина, который возник почти одновременно с избранием его в войсковые атаманы. Избрание состоялось 9 мая, а около 13 мая черкасские старшины, примкнувшие к восстанию в целях самосохранения, собрали вместе со старожилками-казаками из пяти станиц Черкасского острова враждебный Булавину совет. Во главе противников восстания и повстанческого войскового атамана Булавина находим следующие имена: И. Г. Зерщиков, Василий Большой Поздеев, Василий Фролов, Тимофей Соколов, Иван Юдак или Юдушкин, [120] Никифор Плотников и Степан Просвирнин⁶. Старшинам удалось организовать против Булавина до 500 человек; они пытались схватить Булавина, но организация оказалась непрочной и в конце мая развалилась. Мы находим указания о неизвестных доселе тайных письмах противников Булавина: И. Зерщикова, Т. Соколова, И. Юдака в Азов; одновременно Зерщиков писал в Азов и как представитель правящей повстанческой верхушки (см. док. № 2).

В ночь на 1 июня произошло еще одно событие, нанесшее большой удар повстанцам, оставшимся во главе с Булавиным в Черкасском, и оказавшее губительное влияние на ход восстания. Азовский губернатор И. А. Толстой использовал группу старшин, уцелевших в Черкасске и за спиной Булавина поддерживавших связь с Азовом. С их помощью он организовал отгон конских

табунов, принадлежавших повстанцам, чем лишил их средств передвижения и сорвал намечавшийся ими поход.

Историки нередко упрекают Булавина в распылении сил, помешавшем ему принять личное участие в осаде Азова. Но, как видно из публикуемых документов, Булавин не мог присоединиться к войску, отправившемуся брать Азов, вследствие измены в Черкасске. После отгона табунов Булавин созвал «круг» в Черкасске, на котором решили требовать от азовского губернатора возвращения лошадей и выдачи предателей казаков, ушедших с табунами. Тогда же Булавин послал письма атаманам повстанческих войск Некрасову и Драному, чтобы они возвращались в Черкасск; в существующей литературе об этих письмах ничего не было известно. Одновременно Булавин «учинил в Черкасском заповедь под смертною казнью, чтоб никто про именованье великого государя не вспоминал» и не предлагал приносить ему повинную (см. док. № 2).

Группа противников Булавина стояла на позиции примирения с царем. Сразу же после избрания в войсковые атаманы Булавин также пытался пойти на примирение с царским правительством, но в конце мая 1708 г. повстанцы покончили с иллюзией примирения.

Как известно, документов из лагеря восставших почти не уцелело. Тем важнее указания на неизвестные нам «прелестные» и другие письма. Помимо неизвестных писем Булавина к Некрасову и Драному в начале июля 1708 г. мы узнаем, что Булавин посылал письма в Луганскую станицу (см. док. № 3). Пришедшие из Воронежа «ис полков», т. е. от царских военачальников, письма он заменил своими, «прелестными», которые огласил на кругу. Имеются сведения о неизвестном письме Семена Драного с Донца к Булавину, полученном в Черкасске 31 мая. В нем Драный сообщал о приходе правительственных полков и просил помощи (см. док. № 2). Есть также указание на неизвестное письмо Булавина к И. Г. Зерщикову и В. Л. Поздееву Большому с жалобой на войскового атамана Л. Максимова об аресте его вместе с старшинами; письмо это читалось в кругу (см. док. № 1). Из новых материалов мы узнаем и о письме восставших камышенских жителей к Булавину (см. док. № 2), свидетельствующем о популярности Булавина в Поволжье.

В публикуемых документах имеются также не известные до сих пор сведения о К. А. Булавине. Донской казак Кульбака, житель г. Черкаска, проживавший в нем более четверти века и примыкавший к казацкой верхушке, сообщил, что Булавин «из русских», «салтовец», т. е. уроженец городка Салтова Харьковского полка (см. док. № 1). Однако вся родня Булавина была из казачьей среды и сам он к моменту восстания был казаком Трехизбянской станицы. По-видимому, Булавин не принадлежал к «черкасским» низовым казакам, из среды которых избиралась войсковая старшина и атаман Донского Войска. Его избрание повстанцами в войсковые атаманы было встречено недовольством со стороны «природных черкас» и привело к заговору против

него. Однако Ю. В. Долгорукий требовал его ареста не как «новопришлого» казака, а за его мятежные действия.

В своих действиях Булавин опирался на казачьи «круги». Известен «круг», приговоривший к казни бывших старшин. Есть сведения и о других неизвестных [121] казачьих «кругах». Так, около 28 мая был созван «круг всех станиц», на котором обнаружился раскол среди казаков и заговор против Булавина, после чего Булавин стал держать при себе караул из 50 человек (см. док. № 2). Другой «круг» был созван 1 или 2 июня после отгона конских табунов. В ночь на 1 июня в Черкасском была тревога и пушечная стрельба, а поутру Булавин сделал смотр казакам и арестовал семьи тех, кто исчез с табунами. В связи с отгоном коней Булавин посылал в Азов казака Василия Дементьева, который передает нам речи Булавина (см. док. № 2).

Отметим еще один штрих в характеристике Булавина. Он отпустил на свободу кубанского татарина, взятого в плен казаками и проданного старшине Никите Саламате (см. док. № 2). Смерть Саламаты, казненного 6 мая 1708 г. вместе с войсковым атаманом Л. Максимовым и другими старшинами, послужила для Булавина поводом к освобождению невольника.

Мы публикуем 19 пыточных речей участников восстания. Они показывают пестрое происхождение казаков и повстанцев: здесь и помещичьи крестьяне, и дворовый, и монастырский крестьянин; почти все они бежали давно, — 15-16 и даже 30 лет назад, но встречается и недавний беглец из Рязанского уезда с небольшим шести-семилетним казацким «стажем». Другие «сошли» из разных городов 15, 20 и 30 лет тому назад или, как они сообщали, «с малых лет». Среди них козловцы, тамбовцы, уроженцы и жители Урюпинского городка, Шацка, Борзны, Валуйки, Стародуба, Недригайлова и Харькова. Один из них называет себя солдатским сыном, другой — барабанщиком, третий — сыном станичника. Из трех «черкашенинов» разных городов один — казак, другой побывал в Запорожской Сечи и ушел оттуда на рыбные промыслы, третий — в прошлом бурлак, а в настоящем — беглый солдат Азовского полка. Четыре чернеца имеют такое же пестрое прошлое: один — казачий сын, а затем священник; другой — бывший рейтар, постригшийся в Азове; третий — посадский человек, который более десяти лет как «сшел» из посада; четвертый уклончиво сообщает, что он из Красного Кута, семь лет был в Святогорском монастыре, где постригся и посвящен в дьяконы.

В настоящем кратком вступлении мы хотели отметить наиболее важные и неизвестные акты из истории Булавинского восстания: о переписке повстанцев и «прелестных» письмах Булавина, о казацких «кругах» в мятежном Черкасске, о социальном составе повстанцев, о старшинском заговоре, а также подчеркнуть новые черты в биографии Булавина, до сих пор так и не написанной ⁷.

Е. П. Подъяпольская

Комментарии

1. См. *Ригельман*. История или повествование о донских казаках. М., 1846. Книга была закончена в 1778 г., но увидела свет почти 70 лет спустя.
2. См. *Е. П. Подъяпольская*. Новые материалы о восстании на Дону и в центральной России в 1707-1709 гг. «Материалы по истории СССР», вып. V, М., 1957, стр. 505-509.
3. «Булавинское восстание». М., 1935 (содержит 249 документов).
4. *Н. С. Чаев*. Булавинское восстание (1707-1708), М., 1934; его же. Булавинское восстание (1707-1708), «Вестник АН СССР», 1934, № 6, стб. 21-28; *В. И. Лебедев*. Булавинское восстание. М.-Л., 1934; его же. Из истории Булавинского восстания (1707-1708), «Борьба классов», 1933, № 10, стр. 134-143 и «Историк-марксист», 1933, № 3, стр. 44-64; статьи *К. М. Бибиковой*, *Н. С. Чаева*, *В. И. Лебедева* в кн. «Булавинское восстание», М., 1935.
5. *А. А. Зимин*, *А. А. Преображенский*. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века). «Вопросы истории», 1957, № 12, стр. 152.
6. Приведено еще несколько имен из числа противников Булавина: Кирил Нос, Максим Иванов, Климент Кабан, Семен Ребрин, Алексей Каршин.
7. Книга *Н. Задонского* «Кондратий Булавин», М., 1959, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей», является полубеллетристическим произведением, в котором вымысел автора не только переплетается с историческими фактами, но часто и заменяет их отсутствие.

Текст воспроизведен по изданию: Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив, № 6. 1960

№ 1

Доношение Разрядного приказа в Ближнюю канцелярию с изложением отписки азовского губернатора И. А. Толстого, распросные речи казака С. Кульбаки о захвате отрядами К. Булавина Черкаска и казни войскового атамана Л. Максимова и приговор Ближней канцелярии

28 мая 1708 г.

Сего мая 22-го дня ² в отписке господина азовского губернатора Толстова написано.

1-е. Сего ж маия в 8 день прислан к нему в Троецкой донской казак Семен Кульбака, которой был на Бахмуте атаманом и в Черкасском от вора-изменника

2 Отписка прибыла в Разрядный приказ 22 мая. Допрос С. Кульбаки состоялся 24 мая. Боярский приговор в Ближней канцелярии состоялся 28 мая. [122] Булавина был в осаде и воровство ево видел, да азовских пушкарей 2, которые посланы были по войсковой отписке из Азова в Черкасской для оберегательства от того вора; и те пушкари сидели в осаде и по взятии Черкасского были у того вора за караулом. И того казака и роспросные их речи прислал он к Москве. А в распросех их написано.

2-е. В допросе. Апреля в 27 день вор Булавин съ единомышленники своими пришел к Черкасскому и стал на речке Василевой, и апреля в 28 день Черкасской осадил. И Рыковские и Тютерева и Скородумова станицы ему, вору, здались. И в то число ис Черкасского по том воре били ис пушек во весь день, и сидели в осаде сутки з двои. И мая в 1 день на Черкасском острове Дурная да Прибылая станицы ему, вору, здались же, и ево воровских единомышленников пустили в Черкасской, и караулы поставили ево воровские.

И в то число пришел в тот Черкасской товарищ ево вор Игнашка Некрасов и по велению Булавина съ единомышленники своими в Черкасском взял войскового атамана Лукьяна Максимова да старшин Ефрема Петрова, Обросима Савельева, Ивана Машлыченко, Никиту Саломату и отвез в Рыковскую станицу, и розвел их по ста-нишным избам и посадил за крепкими караулы, и пожитки тех старшин ис Черкасского вывозили те воры за Рыковскую станицу на Бугры, где Булавин с советники своими стоял, два дни лошадей по 10-ти и больши. И войсковую печать он, вор, взял к себе. А насеку войсковую и бунчюк, и знамя и булаву взяли ль, того он не ведает. И ныне тот вор стоит на вышеписанных же Буграх.

А в Черкасской и в Рыково, и в Скородумову станицы почасту для всяких дел приезжают от того вора Игнашка Некрасов да Сенька Драной. И круги бывают частыя близ Скородумова. И в тех кругах в одно время в кругу тот вор с своими единомышленники приговорили атамана Лукьяна Максимова и старшин побить до смерти. И приводили ево, Лукьяна, да Ефрема в круг, и бил он, вор, их плетьми, спрашивая у них денег и всяких их пожитков. И тот атаман и старшины при нем были живы. Только тот вор помышляет и говорит, что, тех старшин побив и пограбя пожитки, итить на Аграхань или на Куру реку, которая за Аграханью.

А атамана де никого в Черкасском было не выбрано. А слышал он, что тот вор хочет выбрать в войсковые атаманы Илью Григорьева или из Рыкова Степана Ананьина. А ково выберут — не ведает. А под Азов и под Троецкой итить он помышляет ли, того он не слыхал и о намерении ево не знает.

От того ево воровского войска конницы тысячи з 2000 да водяным путем с 6000 человек, и ис тех судовых казаков тот вор хочет отпустить по Дону против

полков великого государя в верхние городки. А тот казак ис Черкаского ушел тайно майя 6-го дня, чтоб ему занапрасно от того вора не пропасть, и пришел в Азов для доношения о том.

3-е. В допросе азовских пушкарей написано. Посланы де, они были из Азова с азовскими же пушкарями, всего 10 человек, на Дон, в Черкаской для пушечной стрельбы против вора Булавина. И апреля в 27 день тот вор съ единомышленники своими пришел к Черкаскому и стал на речке Василевой, и после того на другой день Черкаской осадил. А они де, пушкари, стояли по разным раскатам. И в то де, время Рыковские и Тютерева, и Скородумова станицы ему, вору, здались. А ис Черкаского в то число по том воре били ис пушек во весь день, и сидели в осаде сутки з двои.

И в то же время они, казаки, войском ис Черкаского посылали к нему, вору, в Рыковскую станицу для переговоровки Василья Большого да Василья Меньшова Поздеевых. И в тот день они в Черкаской не пришли, для того что их тот вор ис той станицы не отпустил и прошал де у них старшин — атамана Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова, Никиту Соломату, Обросима Савельева, Ивана Машлыченка. И вышед ис той станицы от него, вора, переговорщик, стоя на мосту, говорил им, войску, чтоб они того атамана и старшин ис Черкаского к нему, вору, в Рыковскую станицу выдали, а буде не выдадут, и они де Василья Большово и Василья ж Меньшого Поздеевых к ним в Черкаской не отпустят и станут в ночь приступать [123] к Черкаскому. И ис Черкаского де войском тому переговорщику казали: вы де приступайте, а они де на противность готовы, а старшин не отдадут.

И в ту де ночь ис Черкаского Дурная до Прибылая станицы к нему, вору, отложились, и атамана и старшин побрали за караул и перековали, а поутру отдали к нему, вору, в Рыковскую станицу. И он, вор, тех старшин к себе взял, а Поздеевых отпустил в Черкаской. А они де, пушкари, были в Черкаском за ево воровским караулом. И от него де, вора, из Рыковской станицы воровские старшины приезжают ис Черкаского де к нему, вору, в Рыковскую станицу, Поздеевы и иные старшины ездят. А черкаские де казаки сказывали ему, что де от вора Булавина Лукьян Максимов и старшины биты были плетьюми.

4-е. Майя в 6 день вор Булавин съ единомышленники своими атамана Лукьяна Максимова и старшин Ефрема Петрова, Никиту Саламату, Обросима Савельева, Ивана Машлыченка казнили смертью — отсекли головы. А к той де казни они, пушкари, все 10 человек пришли смотреть за воровским караулом. И во время казни, при смерти Ефрем Петров ево воровским старшинам говорил: хотя де он от них и умрет, а слово де ево не умрет; тот де они остров такому вору отдали, а великому государю тот остров знатен и реку де он, великий государь, всю очистит и их воров выведет.

А вора де Булавина у той казни не было, а был в Рыковской станицы у брата своево; и, быв, поехал на поле к реке Василеву, где он, вор, с своими единомышленники стоит, потому что де он в Черкаском и в Рыковской, и в

ыных станицах не живет, а приезжает наездом по вся дни. И того де дня, как тех старшин казнили, старшины де ево воровские научили ево, Тимофея, с товарищи у него, вора, проситца, чтоб их ис Черкаского отпустил в Азов. И они де у него о том просили. И он, вор, их всех 10 человек велел отпустить и на заставах нигде не держать. А ничего де им он, вор, при отпуске не говорил и на разоренья государевых городов он и старшины не похвалялись. А какое де у него, вора, намерение, не ведают. А голудьба де, ево ж воровские единомышленники, переговаривали, чтоб итить на Азов и на Троецкой. А [в] войсковые де атамань по отпуск их нихто у них не выбран. А ково у них, воров, на атаманство намерение выбрать, того не ведают же.

5-е. Сего ж майя 24-го дня в Ближней канцелярии перед бояры вышеписанной же казак Семен Кульбака в допросе сказал. Уроженец он из заднепрского города Умани; пришол ис того города в Черкаской на житье при атамане при Корнее Яковлеве тому з 27 лет или больши, и жил в Черкаском. И в 707 году после сырной недели послан он из войска на Бахмут и был атаманом до благовещениева дни нынешнего 708-го году (Т. е. до 25 марта 1708 г.), как ему прислан на перемену новой атаман Харитон Абакумов, и после перемены по нынешнее время жил в Черкаском же.

6-е. Как господин полковник Долгорукой был в донецких городках и вор Булавин ево, полковника, и при нем будучих побил, и он, Семен, в то время на Бахмуте не был — был в Черкаском з денежною войсковою казною, которая збиралась на Бахмуте с соловарен на строенье каменной церкви в Черкаском. И как он, Семен, отпущен ис Черкаского, едуци дорогою, слышал от Сухаревского казака, что господин Долгорукой, при нем з будущими, побиты в Шульгинской станице.

И, приехав, он на Бахмуте жил до войскового указу смирно и про умысл вора не ведал, и пи от кого своей станицы к злому намерению ничего не слышал, и нихто в бытность ево, Семенову, из Бахмуцкой станицы к тому вору не пристали, для того что он, Семен, приводил их к евангелию и х крестному целованию, дабы они великому государю служили верно и не изменяли.

7-е. Как бывшей войсковою атаман Лукьян Максимов, уведов того вора Булавина бунтовство, пошол ис Черкаского с старшинами, с Ефремом Петровым, с Микитою Саламатю и с войском донским походным и с калмыки, и к нему, Семену, присланы были от него из войска с войсковою грамотою присыльные, чтобы он, Семен, собрав с своей Бахмуцкой и Сухаревской, Краснянской, Боровской станиц казаков, шол в случение к нему, атаману, для поимки оного же вора Булавина. [124]

И он, Семен, собрав тех станиц казаков 400 человек, с ним, атаманом, случился на речке Боровой, и был над теми казаками полковником. И, догнав Булавина под Закотным, был бой, которого бою в ночи они, воры, разбежались. И после того бот атаман с войском Белгородку и Шульгинской выжег. А он, Семен, по ево атаманову веленью Сзатолуцкую, Мелоброцкую станицы за воровство и за

бунт выжег же. И которые из воровского табуру в те городки при нем, Семене, прибежали, и он, поймав их, 16 человек отослал в походное войско к вышеписанному атаману, ис которых отосланных от него и ныне сидят в Азове за караулом.

8-е. Как господина полковника Долгорукого полковница ехала ис Троецкого к Москве, и он, Семен, встретья ее, полковницу, и отправя с съестными запасы и конским кормом, проводил с казаками до урочища Ступок, от Бахмута в 5-ти верстах (*На полях около 8-го пункта запись: В скаске порутчика Герасима Кожевникова, которой при той полковнице был, [сказано], что тот казак до того урочища их провожал*).

9-е. Как он, Семен, по перемене з Бахмута в Черкаской приехал, и по приезде ево войсковой атаман с войском на третей день пошел в поход против вора Булавина съ ево единомышленики на усть Хопра. А в Черкаском до походе войскового атамана был наказным войсковым же атаманом Илья Зерщик, а ясаулами были Василей Меньшой Поздеев да Иван Матстарица, да он, Семен.

10-е. Которые воровские письма присланы были в Черкаской к нему, Илье, с войском, и он, Илья, таких писем в войску не прочитал и никому о том не объявлял. А он, Семен, и иные старшины про присылку таких воровских писем в переговорах слышали и мыслили, что войску они не объявлены, знатно прелестные, чтоб в тамошнем народе сумнения какого не учинить. А он, Семен, и другие старшины, кроме переговоров, таких воровских писем подлинно не видали и от него, Ильи, ни о чем о том не слыхали.

11-е. Как Лукьян Максимов ис походу пришел в Черкаской розбитой с войском на речке Перекопе, и по приходе ево атаманском в Черкаской на другой или на третей день, а подлинно не помнит, читали в кругу присланное воровское от Булавина письмо, а в нем написано:

Батюшко Илья Григорьевич да Василей Большой Лаврентьевич Поздеев. За что они напускают на него, Булавина, атамана Лукьяна Максимова с войском и с калмыки, которые били на него, Булавина, с воровским ево войском. И он де, Булавин, с ним, Лукьяном, поспрашивались, и он, Лукьян, от него, вора, с войском, покиня денежную казну и пушки, побежал в Черкаской. И чтоб он, Илья и Василей, по ево Булавина прошению ево, Лукьяна, с старшинами: с Ефремом Петровым, с Обросимом Савельевым, с Микитою Соламатю, с Иваном Машлыченком дали на поруки или, сковав, держать велели.

12-е. Будучи он, Семен, в Черкаском, слышал: вор де Булавин злой свой замысл учинил и господина полковника Долгорукого убил за то, как он, Булавин, был на Бахмуте атаманом до ево, Семенова, бытъя за год и присланного дьяка с Воронежа Горчакова держал за караулом, для которого розыску поведено быть Долгорукому, а ево, Булавина, войском велено было, сыскав, заковав, отослать на Бахмут к розыску к нему, господину Долгорукому; и он, вор Булавин,

послыша то о себе, прибрав к себе таких же воров, того полковника при нем з будущими побили.

13-е. Он же, Семен, в Черкаском про потсылку от шведа к соединению и от низовых, которые явились около Казани и Пензы в том же воровстве, также и от турок и от кубанцов, и от крымцов к разрушению мирнаго доставления, ни от кого не слышал.

14-е. В Запорожскую Сечю Лукьян Максимов с войском посылал с войсковыми своими письмами во время походу своею на Булавина на речку Перекопку ис Черкаского казаков Степана Мумыку, Панкрата Орленка: буде в Сече вор Булавин явитца, чтоб ево, поймав и сковав, держали, а в войско б для ведома о том писали. И как те посыльные из Запорожья возвратились и, приехав к Черкаскому, не [125] ведая, что вор Булавин Черкаской овладел, и булавинцы ис тех посыльных Панкрата Орленка поймали и у себя задержали, а Степан Мумыка ушел и ныне в Азове.

15-е. Апреля 27-го дня вор Булавин съ единомышленники своими пришел к Черкаскому, стал на речке Василевой. И того ж апреля 28-го дня он, вор, через тое реку, зделав на бударах мост, с своими единомышленники переправился. И, переправясь, того ж апреля 29-го числа на первом часу дня пришел под три Рыковские и под Тютеровскую и под Скородумовскую станицы, и была у него, вора, с станичными казаками пересылка. И чрез тое пересылку те казаки к себе в станицы ево, вора, с единомышленники ево пустили и к ево воровству склонились. А тех 5-ти станиц казаков будет человек с 1000-ю и большпи. И тот вор пришел со всеми своими единомышленники в Скородумовскую станицу, которая от Черкаского в близости, чрез мост. И они ис Черкаского по тому городку и по вора били ис пушек и из мелкого ружья и бросали бомбы чрез целой день.

И апреля ж 30-го дня присланные от вора Булавина чрез проток, где мост был, говорили к ним, войсковому атаману, в Черкаской, чтоб к ним прислать в Скородумову станицу Василья Вольтова да Василья Меньшова Поздеевых для переговоровки. И он, Лукьян, с войском послали их, Поздеевых, да с ними старшин Матвея Можара да Тимофея Саколова. И вор Булавин Матвея и Тимофея в Черкаской отпустили к ночи, а Поздеевых у себя задержали и приказывали с ними, Матвеем и Тимофеем, чтоб Лукьяна Максимова и вышеписанных старшин 5-ти человек ис Черкаского к ним, вора, отдали. И Дурной да Прибылой станицы казаки, которые с ними в Черкаском в асаде были, услыша от них, Матвея и Тимофея, такие слова, говорили всенародно, чтоб им за старшин не стоять, и к тому воровству склонились.

Да и Леонтей Поздеев в то время говорил же, чтобы за тех стариков не стоять же, для того что и братьев ево в воровском Булавина обозе за них задержали.

И в то же время Илья Зерщик и он, Леонтей Поздеев, Лукьяна Максимова и вышеписанных старшин велели караулить тем же людем, которыми они,

старшины, во время той осады владели. И на другой день Лукьяна Максимова с старшиною отдали к нему, вору Булавину, в Скородумовскую станицу, а Поздеевых он, вор Булавин, отпустил в Черкаской по-прежнему.

И Черкаской овладели они, воры, и караулы на раскатех и в других местех поставили свои воровские.

16-е. Как они Черкаским овладели, и в то время Булавина товарищ, вор же, Йгнашка Некрасов, приезжал в Черкаской и всякую росправу по велению вора Булавина росправлял. А тот Игнашка был в Голубых рядовым же казаком и в воровском замысле с Костьюкою, которой наперед сего ушел на Аграхань для воровства ж и бунту, был же. И великому государю во время азовского походу он, Игнашка, принес вину, за что по прощенью и наказанье ему учинено.

17-е. С тем же Игнашкою во отправлении были от Булавина Старой Айдарской станицы атаман Сенька Драной да казак Кирюшка Нос. И пожитки Лукьяна Максимова и вышеписанных старшин вывезли на Бугры, где вор Булавин стоял.

18-е. Войсковую печать он, вор, и писаря войскового Ивана Андреева, которой войсковые письма отправлял при Лукьяне Максимове, взял к себе. Также и ныне тот писарь при нем, воре Булавине, отправляет же. А насеку войсковую и бунчюк, и знамя, и булаву в бытность ево, Семенову, он, Булавин, к себе не взял. А то все и другую войсковую казну, которое в казне под церковью Иоанна Предтечи, все при нем, Булавине, переписано, и после ево, Семена, что учинилось, не ведает.

19-е. Он же, Семен, слышал, что в воровских кругах вор Булавин с своими советники приговорили и всеконечно мыслили Лукьяна Максимова и вышеписанных старшин побить до смерти за их к ним войсковые обиды, а побивши б их принесть великому государю вину, чтоб они в том были прощены. А о замысле их воровском, приходе к Азову и к Троецкому и под украинные города, ничего он не слыхал, только говорят, чтобы скорее в том вицу принесть, не дожидаясь к себе государевых полков. [126]

20-е. Лукьяновой и старшинским женам ничего от него, вора Булавина, кроме грабежу и разоренья, не было, и остались живы.

21-е. Которые старшины и рядовые ныне в армее, и тех женам и из домов их никакой утраты и разорения не было ж.

22-е. Он же, Семен, будучи в Черкаском, от булавинцов, как они овладели Черкаской, слышал, что он, Булавин, после розгрому на Айдаре был в Черкаском в монашеском платье и стоял близ войскового их круга. И ведал де об нем, Булавине, в то время толко один Илья Зерщик.

23-е. В Черкаском де хлеб в бытность ево, Семенову, покупали по велению Булавина дешевою ценою: бочку по полтине, а мешорку по гривне. И такого де

хлеба в Черкасском малое число, только что будет до зимы. И слышал он от булавиновцев в переговорах: тот де хлеб они поедят, а большаи того где взять — не ведают. А в Паншин де для взятъя хлеба при нем, Семене, посылки не было. А паншинского де жителя, знатнаго старшину Савелья Чекунова да стараайдарского бывшаго атамана Фому Алексеева, Закотенской станицы атамана ж Матвея Медведева, Курмоярской станицы атаманского Семенова зятя курмоярского Сидора посажали в воду за то, что с ними, ворами, быть не похотели; а с Медведицы старшину ж Семена Кобыльского застрелили из ружья.

24-е. Он же, Семен, слышал от единомышленника Булавина, от Стрельчонка, которого держат ныне в Азове за караулом, что вор Булавин природою подлинно салтовец из русских людей.

25-е. Он, Семен, оставя в Черкасском жену свою, служа великому государю верно и радея, ушел в Азов для доношения, и не хотя крестного целования в верной своей к великому государю службе отставить.

Подлинное доношение за приписью думного дьяка Автамона Иванова да дьяка Ивана Уланова. Справа Савостьяна Гермонова.

И мая в 28 день по указу великого государя бояря, будучи в Ближней канцелярии, слушав вышеписанного доношения, приговорили: присланного из Азова казака и роспросные ево речи послать к великому государю в поход из Розряду с нарочным куриэром.

У подлинного приговору приписано министрскими руками тако: Иван Мусин-Пушкин. Лука Долгоруков. Матвей Гагарин. Матвей Головин. Петр Хитрова.

С сего доношения и з боярского приговору список из Ближней канцелярии за скрепою дьяка Ивана Чередеева подьячей Савастьян Германов принял вышеписанного числа.

ЦГАДА. Разряд IX. «Кабинет Петра I», отд. I, кн. 18, ч. I, лл. 488?96. — Копия. Другая копия: ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Рукописи, отдел. Эрмитажное собрание, д. 559, лл. 207об-212 (Копии ЦГАДА — современные (20-е годы XVIII в.); копия ГПБ — нач. XIX в.).

№ 2

Доношение Разрядного приказа в Ближнюю канцелярию с изложением отписки И. А. Толстого о положении в Черкасске и заговоре казаков против К. Булавина

15 июня 1708 г.

(Отписка получена в Москве 15 июня 1708 г. Вероятно, тогда же и было составлено доношение)

Сего июня 15-го дня писал из Азова губернатор Иван Толстой, и при отписке своей прислал о Булавине съ ево единомышленники из розных мест ведомости. А в них написано:

1-е. Майя в 16 день приехал ис Черкаского в Озов Веденихт Ян Грек и сказал: как де вор Булавин был в кругу, а он от него слышел, что пошлет он от себя к нагайцом, чтоб с ними ему, вору, учинить мир особой. [127]

2-е. Майя ж в 19 день данской казак Алексей Мартинов, которой и посылан в Черкаской тайно, приехав в Азов, сказал: в Черкаском де он, Алексей, ночью был и виделся с войсковым толмачем с Михайлом Сулиным. И он де, Михайло, сказывал ему, Алексею, что де вор Булавин посылает на Кубань кубанских татар 2-х человек, которые были в неволе у атамана Лукьяна Максимова да у Микиты Соломаты, да 2-х человек казаков с письмами, а знатно де для того, что он, вор, съ единомышленники своими и Рыковских станиц с казаками хочет бежать на Кубань вскоре. И Рыковских де станиц казаки лошади и телеги готовят.

3-е. Того же числа посланы из Азова в степь на те места, которыми местами имеетца проезд ис Черкаского на Кубань, конной службы афицеры с конными людьми 60 человек. Велено им на тех дорогах и в степи смотреть накрепко, чтоб от него, вора Булавина, посыльных с письмами на Кубань, переловя, привести в Азов.

4-е. Майя в 26 день писали в Азов к губернатору ис Черкаского донские казаки Тимофей Соколов да Иван Юдак, что ис Черкаского от вора Булавина подлинно поедут на Кубань, для чего выбран ехать Черкаской станицы казак Васька Шильца.

5-е. Того ж числа приехал ис Черкаского Средней станицы казак Тит Семенов и сказал. Майя де 25-го числа в Черкаском у Булавина съ единомышленники ево верховых городков да Рыковских трех да Скородумовой да Тютеревой станиц с казаками был круг, в котором Булавин определил послать на Кубань оного же казака Шильцу с письмами. И присрочено ему ехать майя 26-го числа, а с ним посылают из верховых городков 2-х человек да торговых армян, которые, живучи в Черкаском, торговали, 4-х человек да кубанского татарина.

6-е. Тот же казак объявил письмо к губернатору от старшины Ильи Григорьева, в котором написано, что Булавин хочет бежать на Кубань со единомышленники своими — со изменники, а их, которые к ево злому совету не приставают, хочет всех побить и Черкаской выжечь.

7-е. Майя в 28 день оные посыльные афицеры, приехав в Азов, объявили посланных от Булавина на Кубань с письмами турчан и татар и армянина 6 человек, и при них калмыцкого ясыря 23 человека, и посланные с ними письма, а в них написано:

В прелесном письме от Булавина к кубанским казакам, к атаману к Савелью Пахомову написано. Послали они на Кубань, в Ачюев, к Хасяну-паше и к Сартлану-мурзо свои войсковые письма об мировом между ими и крепком состоянии, а о Лукьяне Максимове с старшиною являют, что их за согласие з бояры и к ним за разоренья побили. Да в том же письме написали, что стали они за веру. В том же прелесном письме написано: естли де великой государь их но пожалует против прежнего, как жили отцы их, и они де от него отложатца и станут служить турецкому султану. И чтоб с того письма оставить им на Кубани у себя список, а подлинное письмо послать к салтану, что великому государю в мирном состоянии отнюдь бы не верить, потому что он многие земли за мирным состоянием разорил и ныне разоряет, также и на него, салтана, карабли и каторги, и иные многие воинские суды и всякое воинской снарят готовит (См. это письмо, полностью опубликованное в сб. «Булавинское восстание», М., 1935, стр. 461).

8-е. В прелесных письмах к кубанскому, к ачюевскому владельцам, к Хасяну-паше да к Сартлану-мурзе, от него же, вора Булавина, написано, чтоб с ними ему, вору, с войском жить по-прежнему в дружелюбии и в мирном состоянии. И прислали б к ним знатных своих старшин с письмами для договору и мирного состояния и разделки. А буде они похотят за многие от калмык обиды и разоренье на них итить войною, и они б с ними войском шли в поход (См. там же, стр. 460).

9-е. Взятые турчаня и татары, и армянин сказали.

Первой сказался турченин, житель города Ачюева. И апреля во 2 день нынешняго 708-го году ехал он из Ачюева с товаром с посланцами, которые посланы были [128] из Ачюева ж в Азов с листами. И не доехав Азова, от тех посланцов поехал в Черкасской. А под тем его таваром были наемщики — кубанские татары, 2 человека.

И будучи в Черкасском тот тавар он испродал, а на те деньги купил платья и всякой рухляди на 77 рублей на 30 алтын 4 деньги. Да он же с товарищи купил в Черкасском калмыцкого ясыря 16 человек, дали 270 рублей. И, купя то все, собрались они с таварыщи своими ис Черкасского ехать на Кубань, и просились у Булавина об отпуску. И он сперва было их отпустил, а после говорил: будет де они, взяв у него, Булавина, на Кубань письма свезут, и он де их отпустит, а будет де не возьмут, и он их не отпустит. И прислал де к нему в ряд с толмачом с Михаилом Сулиным да з другим казаком, а как зовут не знает, 3 письма за войсковою печатью. И он де, Михаила, те письма отдав ему, приказывал: приехав на Кубань, отдать казаком-ахреянном. И он де, приняв у него те письма, спрятал в мешок. И ис Черкасского собрався с товарищи своими поехал на Кубань. А словесного де приказу от него, вора Булавина, с ним никакова не было. А что в тех письмах писано, не ведает, только де при отдаче тех писем он, Михайло Сулин, ему втайне говорил, чтоб де он те письма на Кубань не возил, а, едуци б дорогою, зарыл в землю или б, завесчи к Азову, отдал, кому надлежит.

И по тому де приказу он те письма к Азову завезть хотел. И на дороге де на шляху, которым ездят на Кубань, в ночи, азовские конные, наехав на них, всех побрали, в те письма у него взяли (*Далее запись на полях: А которые афицеры ево поймали, и они сказали: как де ево поймали — спрашивали, нет ли каких от Булавина с ним писем, и он у себя не сказывал, и они, посыльные, не поверя тому, стали обыскивать и нашли у них оные письма. А тот турченин в допросе говорил, что таких слов тем людем, которые ево поймали, не говаривал*). Да и у него ж де те казаки взяли платья и рухляди, по цене на 13 руб. на 18 алтын 4 деньги, да крымских денег 13 рублей 24 алтына 2 деньги.

Другой человек сказался турченин же, житель города Бахчисарай. Тому де 3 год приехал он к Азову для торгового промыслу и, быв в Азове, поехал в Черкасской и в Черкасском живучи торговал. И с товарищи собрався в Черкасском, поехали было на Кубань и хотели заехать к Азову; а будучи он в Черкасском купил ясырю 8 человек; дал 268 руб. Да у него ж взято две лошади и платья, и всякой рухляди по цене на 54 руб. 31 алтын 2 деньги.

Третьей сказался армянин, житель города Кефы. И в нынешнем 708-м году в великой пост ис того города с товарищи своими разных городов с армяны и с татары на шти арбах приехали в Черкасской с тавары. И таварыщи де ево, быв в Черкасском и продав тавары, поехали в свои жилищи в великой же пост, а он остался в Черкасском. И о поезде своем ис Черкасского сказал тоже что сказали вышеписанные турчаня. А при нем де взято: лошедь и всякой рухледи на 13 рублей 14 алтын 2 деньги да денег 2 рубли с полтиною.

2 человека сказались: кубанския татары. Были в наймах у вышеписанного турченина под таваром на дву арбах. И конные де казаки на степи у них взяли всякой рухледи по цене на 28 рублей на 17 алтын 2 деньги.

Шестой сказался: кубанской же татарин. В 707-м году взяли ево з другими ево товарищи на степи, как он ехал от Острахани, черкасские казаки и продали ево черкасскому казаку Никите Соломате. И как де пришел в Черкасской Булавин и хазяина ево казнил, и после де того он ево отпустил ево на волю, и он поехал с вышеписанными турки.

10-е. По справке в Азове в приказной полате в грамоте великого государя, которая прислана из военного походу из Витепска в Азов к губернатору Толстому, за рукою тайного секретаря Петра Шафирова апреля в 17 день, написано: Известно великому государю учинилось по доношению посла, пребывающаго у Порты Оттаманской Толстова, что турецкие министры, будучи с ним, послом, на розговорех, с великим прилежанием говорили, дабы с взятых за мирным меж ими, великим государем и Портою Оттоманскою, договором от казаков и калмык и татар их людей и [129] лошедей и прочие вещи, что где сыщется, против чего взаимно тож чинить. И они, турки, с своей стороны обещаютца, и уже несколько человек и отдали, и желают, дабы те ссоры умирены были со обоих стран. И по той, великого государя, грамоте велено в Азове и к нему в принадлежащих городех у служилых всякого чину людей о

взятых с Турской стороны за мирным с ними договором людех и лошедях осведомитца подлинно. И ежели что оных у кого сыщется, то тех всех людей, которые где-нибудь от них взяты, за мирным договором, купно с лошедьми и с скотом, отдать в сторону салтанова величества обще с присланными в Азов з Дону.

11-е. По той грамоте вышеписанной татарин, которой был в Черкаском в неволе, из Азова отпущен на Кубань с листом к Хасяну-паше. А в листу к нему писано,

В нынешних числах воры и бунтовщики чинят шатости на Дону, видя себя во всеконечной погибели, умысля воровски, писали от себя в сторону салтанова величества к Сартлану-мурзе и к ворах и изменником х казаком же ахреяном, которые живут на Кубане, о многих возмутительных делех, к развращению царского пресветлого величества с салтановым величеством мира. И те письма послали они ис Черкаского с приезжими с Кубани торговыми людьми. И те торговые люди с теми письмами пойманы и привезены в Азов. И впредь, буде от вышеявленных воровских людей явятца у них какие возмутительные письма, и ему б велеть учинить заказ крепкой, чтоб кубанцы тем возмутительным письмам отнюдь не верили и с такими воровскими письмами присыльщиков, имая, присылали в Азов.

Да он же, губернатор, объявляет ему, паше, что ис тех же воров проехали тайно в лотках на море и хотят по рекам чинить на дорогах воровство и грабежи, и забойства; и ему б от тех воров иметь опасение. А буде те воры в стороне салтанова величества, где пойманы будут, и им та неволя учинитца самим от себя, а прошения об них никакова не будет. А когда оные воры от того своевольства будут усмирены, и для розцелак в заходящих ссорах о приезде к Азову чеснейшаго Алея-аги Набдул-Кадир-аги ведомость пришлют немедленно.

Писано о том мая в 31 день.

12-е. Июня во 2 день приехал в Азов ис Черкаского донской Черкаской станицы казак Климонт Кабан. Сказал.

Тому де ныне недели с 3 начали они, Черкаской и Средней, Павловской, Прибылой, Дурной станиц казаки, советывать, чтоб де вора Булавина, поймав, привести в Азов. А в том де совете первые: Илья Григорьев, Василей Большой Поздеев, Василей Фролов, Тимофей Соколов, Иван Юдак, Никифор Плотников, Степан Просвирнин. И они де все в своих станицах о поимке того вора сказывали и в совет, кому верили, призывали. И собралось де было их с 500 человек; да с ними ж де были в совете: ис Чиров — Кирило Нос, ис Кагальнику — Максим Иванов.

И тому де дней с 6 вор Булавин был в кругу всех станиц с казаками и говорил многие непристойные слова. И верховых городков казаки в том кругу ему говорили, что он много говорит, а с повинною к великому государю не посылает; не всех де их он, Булавин, перекует, и ныне де их в согласии много,

могут ево, Булавина, и в кругу поймать. И он де, вор, Булавин, велел их единомышленником своим взять за ко-роул. И стал де он, Булавин, дознаватца, что де ево хотят поймать, и держит при себе караулы человек по 50. И от того де времени тот совет разрушился.

И после де того он, Климонт, да Василей Фролов, Семен Ребрин, Алексей Каршин, — всего 30 человек, собрався, ожидали ево, Булавина, как он пойдет на хутор Василия Балыпова Поздеева в баню, чтоб, на переходе ево поймав, увести в Азов. И июня де 1-го числа он, вор, в тое баню при 10-ти человеках ходил. И они де, Климент с товарищи, про то проведав, выходили и выезжали за город к садам и вскоре все не собрались. А к нему, Клименту, Алексеев племянник Мартинова малой из двора вынес сайдак, и он де, взяв тот сайдак на лошедь, поехал. И в то де время Булавина единомышленники, усмотри, за тем малым гоняли, и он де, убоясь их, чтоб пойману не быть, ушел за Аксай и прибежал в Азов.

13-е. Того ж числа явились в Азове посыльные под Черкасской с черкасскими казаками для отгону конских табунов. И ис под Черкасского табуны оттогнали к Азову, [130] а сколько оттогнато, не ведают (*На полях запись: А по счету у Азова тех лошадей явилось 11 000. И губернатор велел их охранять за крепким караулом близ Петровского на острове*). Да с ними ж, афицеры, при тех табунах приехали к Азову казаков: Черкасской станицы 9 человек, Средней станицы — 6 человек, Дурновской станицы — 7 человек, Прибылой станицы — 5 человек, Павловой станицы — 5 человек, Скородумовой станицы — 1 человек. Итого 33 человека (*На полях запись: Желают казаки, чтоб им до окончания воровства оного вора быть в Азове*).

14-е. Ис тех казаков Василей Фролов про поимку вора Булавина сказал тож, что сказал выше сего Климонт Кабанов.

А как де он был в Черкасском, и июня 1-го числа сказывал ему, Василью, Иван Дьячок, которой живет у Булавина писаря, что майя 31-го числа писал к нему, Булавину, з Донца посыльной от него Сенька Драной (*О другом письме из Камышенки см. в сб. «Булавинское восстание», стр. 440, 442*): полки де государевы идут в близости и, где де он, Драной, на заставе стоит, с того места отступил вниз Донцом и против де тех полков стоять мочи ему нет; и чтоб де он, Булавин, прислал к нему на помочь людей, а будет против тех полков в прибавок не пришлет, и он бы до, Булавин, промышлял ехать, куды он с ним умышлял, а что де хотел делать над Черкасском, то б де управлял вскоре и к ним ведомость учинил.

15-е. Тот же казак сказал. Майя ж де 31 числа приезжали в Черкасской с Камышепки к Булавину с письмами 2 человека того города от жителей. А что де в тех письмах писано, того он не слыхал. Только де слышал он от тех приезжих, что на Камышенке того города жители забунтовали; воеводу и начальных людей 10 человек убили до смерти, и к нему де, Булавину, их прислали говорить, чтоб им жить в согласии с ними, ворами. А которые суды Волгою проходят на низ, и

чтоб де он, Булавин, велел те суды им, камышенцом, одерживая у Камышенки, грабить. И он до, Булавин, то все чинить им велел.

Да он же, Василей, сказал. Тому ныне с неделю пришли посылные ис полков и с Воронежа по казачьим городкам в Черкасской письма, и те де письма взял он, Булавин, к себе; а вместо тех, написав свои воровские прелесные письма, прочитал в кругу.

Да он же де, Булавин, учинил в Черкасском заповедь под смертною казнию, чтоб никто про именованье великого государя не воспоминал. А буде кто станет говорить, чтоб принести великому государю повинную, и тех де людей похваляетца он казнить смертью.

16-е. Июня в 3 день привезены ис Каланчей казаки и осматриваны, а по осмотру явилось: у казака Черкасской станицы Василья Дементьева отписка за войсковою печатью да 2 письма от брегадира Шидловского распечатанные к войску Донскому, да 8 грамоток от станичных атаманов и от казачьих жен к данским казаком, которые приехали в Азов с табуном.

И тот Василей сказал:

Как де Василей Фролов с товарищи советывали Булавина, поймав, в Азов отвесть, и в том де совете он был же. И как де войсковые их табуны от Черкасского отогнали, и в Черкасском де у них учинилась тревога, и стреляли из вестовых 2-х пушек. А на другой де день поутру вор Булавин учинил во всех станицах смотр, и которых до казаков на смотре не явилось, и он де, Булавин, жен и детей их всех собрал в один курень и держит за караулом, а пожитки де их въ их куренях все запечатал и приказал караулить тех станиц казаком. И того ж де дни послал он, вор Булавин, вверх по Дону и по всем рекам воровские письма, а имянно: к Игнашке Некрасову и к Сеньке Драному, чтоб по-прежнему все шли в Черкасской. И похвалялся де он, Булавин, собрався, итить на Азов и на Троецкой войною.

И сего ж де июня 2-го числа в 5-м часу дни ево воровские единомышленники Тютюревской станицы Марко Алексеев с товарищи, взяв ево, Василья, неволею, привела к вору Булавину. И он де, Булавин, говорил ему, Василью, чтоб он ехал в Азов к губернатору с письмами. А ручаютца де по нем в том, что ему те письма в Азов [131] отвесть и в Черкасской по-прежнему приехать, Илья Григорьев, Василей Большой, Леонтей Поздеевы, Веденихта Ян Грека сын Артемей. И он де ему, Булавину, говорил, что де он от него, вора, с письмами не поедет и к тому делу незаобычен. И он де, Булавин, говорил: естли де он не поедет, и он де, вор, велит ево, Василья, казнить смертью. И собрав де вышеписанных по нем порутчиков, Илью Григорьева с товарищи, письма, которые он, Василей, с собою в Азов привез, и отдав, велел отдать губернатору. И приказывал де с ним, Васильем, словесно: будет де ево в Азове задержат, чтоб де он из гребцов, которые с ним посланы, одного человека с ведомостью прислал.

17-е. В письме к азовскому губернатору Толстому от Булавина написано:

Ведомо ему, губернатору, чинят. Согласись их тумы Василей Фролов с товарищи с азовскими казаками и с калмыки отогнали у них табуны к Азову по ево губернаторской посылке без указа. И чтоб тех тум в Азов с табуном не принимать. И естли они тумы конного табуна в Черкасской июня в 5 день не пригонят, и за то жен их и детей и сродников казнят смертью. А буде он, губернатор, тех тум с табуном в Азов примет, и они войском о том будут писать к великому государю, а после того между ими на зачинающего бог. А порукою по посланному с тем письмом Илья Григорьев.

Леонтей Лаврентьев, Василей Лаврентьев Большой, Артемей Веденихтов. А буде он из Азова к ним войску с отповедью июня к 7-му числу не будет, и им, порутчикам, за него учинена будет смертная казнь.

18-е. В письмах брегандира Шидловекого в Черкасской к атаману и ко всему войску Донскому писано во ответствование против их писем.

19-е. В письмах от Ильи Григорьева и от всех станишных донским казаком, которые приехали в Азов при табунах, и от жен их писано, чтоб напомнили кресноо целование, чтоб им никакова зла войску чинить не велено, а они ныне табуны войсковые тайно угнали, а за их злочиние всем в станице приговорена смертная казнь и разорение. И чтоб они пригнали табуны все по прежнему к войску, а им по войсковому приговору ничего озлобления не будет. А буде они чего опасаютца, и они б з запорожцами вскоре послали, а буде они того не учинят, и их неповинная кровь у многих прольетца, тако ж и дома разорятца.

20-е. Июня в 4 день пришел в Азов ис Черкасского Тютюревской станицы казак Максим Шилов и сказал.

После де отгону табуна у Булавина был круг, в котором кругу приговорили: буде азовской губернатор того табуна и казаков, которые приехали при том табуна, но пришет, и он де, Булавин, собрався съ единомышленники своими, пойдет к Азову и к Троецкому войною. И после де того отгону ево Максима от него, вора Булавина, искали, хотели казнить смертью или посадить в воду за то, что де он с Васильем Фроловым с товарищи в поимке ево, вора, и в отгоне табунов был в совете, и он от него ушел.

И как де он, Максим, ис Черкасского пошел в Азов и зашел в дом к Василью Большому Поздееву проститца, и он де, Василей, приказывал ему, Максиму, губернатору сказать, что де вор Булавин хочет ево, Василья, казнить смертью за то: как де он, Василей, с товарищи втайне советывали вора Булавина, поймав, отвезть в Азов, при котором совете был Кагальницкого городка казак Кирило Нос, и про тот совет ему, Булавину, он, Нос, сказал.

21-е. Губернатор Толстой пишет: вышеписанных приводных к Азову турчан и татар, и армянина на Кубань отпущать ли? И которые купленные их

вышеписанные ж ясыри и взятые при них пожитки им отдавать ли? И буде их, турчан и татар и армянина, отпустить и взятых у них ясырей и пожитков им не отдавать, и тем ясырям где быть? И впредь, буде ис Турецкой стороны об отдаче тех ясырей и пожитков кто будет писать, какую отповедь чинить? О том требует он, губернатор, государева указу.

ЦГАДА, Разряд IX. «Кабинет Петра I», отд. I, кн. 18, ч. 1, лл. 530-539. — Копия.
Другая копия: ГПВ им. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел. Эрмитажное собрание, д. 559, лл. 225об.-230 об.

№ 3

Доношение Разрядного приказа в Ближнюю канцелярию с приложением распросных и пыточных речей пленных булавицев и приговор Ближней канцелярии

(Из записи на полях о смерти булавицеа Х. Абакумова видно, что пленных под
вергали допросам в Разрядном приказе уже до 12 августа)

19 августа 1708 г.

Присланные ис полку господина Долгорукова булавицы и чернцы в Розряде в допросе сказали.

Харитошка Абакумов, житель города Воронежа, воронежца Васильев человек Струкова. Тому лет с 30 збежал он с Воронежа на усть Хопра и жил в донских городках; и в Черкасском, и служил казачью службу (*На полях против этого абзаца запись: Сего августа против 12 числа в ночи умре..*).

А как де князь Юрью Долгорукова вор Булавин на Донце убил, и он де, Харитошка, с ним не был и про совет ево и про збор к тому убивству не ведал, для того что донецкие городки от Черкасского в дальнем ростоянии. И уведов де про то убивство, войсковой их бывшей атаман Лукьян Максимов, ходил для поимки того вора, и он де, Харитошка, в том походе с ним не был, лежал в Черкасском, болен.

А в марте де месяце нынешнего 708-го году по войскову приговору послан он от Лукьяна Максимова на Бахмут для денежного збору с соловарных печей на церковное каменное строение, которую церковь хотели было строить в Черкасском, и велели ему на Бахмуте быть атаманом. Да с ним же посланы Мишка Скоробогатка да Левка Быкадеров; А прежнего атамана Семена Кульбаку велено ему переменить, для того что он в том городке был год, да и для того что явились от него на Бахмуте многие обиды.

А перед Николаевым де днем вешним вор Серешка Безпалой приходил к ним на Бахмут, а с ним было воровского собрания с 300 человек. И он, Харитошка, съ ясаулом Мишкою Скоробогаткою и с казаками ево встретили с хлебом да с солью, убоясь ево, вора, да и для того, что слышели они, что и в других

городках, через которые он шол, ево встречали ж. И посылал де он, Харитошка, ясаула своево Левку к черному папу Даниилу, которой с ним привезен ныне, чтоб он вышел навстречю того вора со крестом. И тот поп со крестом и со святою водою, и съ евангелием навстречю по ево посылке с ним был. Да с ним же был черной дьякон, а как ево зовут — не знает. И тот дьякон ношол в Киев. И из города и в город идучи, на ту встречю он, поп, з другими ево монахи пели, а что — не знает. А тот есаул взял ево волею ль или за устрастием, о том де ему тот поп не сказывал. А дьякон Дементьян, которой ныне привезен с тем попом, на встрече против того вора не был. И другие монахи Гарасим и Селиверст на той встрече были ль — не ведает. И вор Беспалой хлеб и соль у него, Харитошки, велел принять, и, у креста не быв, поехал мимо их на станцю, где он стоял.

И после того на третей день поутру приехал тот Беспалой к нему Харитошке, велел собрать Бахмуцкую станицу, и, собрав, спрашивал у него, Хоритошки, и у козаков, кто из них с Лукьяном Максимовым были для поимки вора Булавина. И в тот день в станиччой избе тот Беспалой у него, Хоритошки, обедал, а после обеда поехал на тое ж свою станцю. И на другой день пошол он, Беспалой, к Сухоревской станице.

А прежде де тово воровского Беспалого приходу приходил к Бахмуту бахмуцкой житель вор Тишка Белогородец с такими ж ворами, а с ним было человек с 50. И он де, Хоритошка, к нему с хлебом навстречю выходил же. И в то время чорной поп Даниил со крестом и со святою водою у станиччонй избы был же, и тот вор Тишка у [133] креста был. А по чьей посылке тот поп со крестом выходил или сабою - того он не ведает. А он де, Харитошка, по нево не посылавал.

Он, же, Харитошка, сказал, что вор де Драной, соединясь з Беспалым пошел на речку Уразовку. И на той речке розбили Сумской полк. И полковника и старшину побив, пришол к казачей городок Старой Ойдар, а товарищей своих распустил по юртам. А слышел де он, Харитошка, про то убивство от бахмуцких казаков, киторыс на том воровстве были. А он до, Харитошка, на том воровстве не был.

И после де того, помедля с неделю или больше, слышел он, Хоритошка, от Сухаревских казаков, которые приезжали на Багмут для промыслов, что вор Драной послал в козачьи городки загонщиков выбивать тех же воров, которые были с ним, и, сабрав тысяч с пять да запорожцев тысячи с полтары, пошли под Ямполь, и бахмуцкие де казаки, которые с ним, вором Драным, на сумском разбое были, пошли к нему, Драному, а от Ямполя пошол под Гор, а других послал под Мояки для прельщения, чтоб выдали старшин, а сами были с ним обще. И торские де жители в том им откозали.

И как де он, Драной, стоял под Ямполям, и он де приказывал к нему, Хоритогаке, с присланными от себя, чтоб он не покинул и берег Бахмута. И он, Харитошка, писал к нему, Драному, что бахмуцкие казаки розбежались и

Бахмута де беречь ему неким, и чтоб де прислал к нему от себя человек с 50 для береженья Бахмута, а но для бою з государевыми людьми.

Да он же, Харитошка, слышел от черкашенина Антошки, который был в том их воровском абозе и видел, что тот вор к Тору приступал, а таварыщи ево приступали к Мояку. И ис тех де городов по них стреляли ис пушек и из мелкого ружья. И они де, воры, от тех городов отступили и пошли в степь.

Да ему же, Харитошке, сказывал бахмуцкой казак, а как завут — не знает, и был с ворами Драным на воровстве: брегодир де Шидловской с конными и пехотными полками ходил за ними в погоню, и на дороге был у них бой, а в осаде подле реки Донца в Кривой Луке их воровской обоз он, брегодир, с полками розбили. А он де, Харитошка, в то число был на Бахмуте, а с ним, Драным, не был, и согласия у него и договору с ним, Драным, не было.

И посланные де ис полков от господина Долгорукова ево, Харитошку, да с ним ясаула да казака, поймав на Бахмуте, отослали к Шидловскому.

А про приход под государевы города, также и к Москве для бунту, ни о каком совете, он, Харитошка, ни от каго не слышал, и от шведа и от иных присланных ис Москвы ни от кого, ни к кому прелесных писем к бунту он не видал и не слышал, и с прелесным письмами никуда он не посылавал.

Мишка Скоробогатка, природою черкашенин, жил в Недрыгайлове, что в Путивльском уезде, и в Харькове, и на Тору. Ис Тору, как он поехал за сеном в поле, на степи взяли было ево, Мишку татарова в полон. И в урочище на Кринских вершинах походной данской атаман Фрол Минаев у них ево, Мишку, з другими взятыми 30 человек отбили и привели ево с собою в Черкаской, а в котором году — не помнит. А в Черкаском служил он рядовым казаком.

И как де князь Юрья Долгорукова вор Булавин на Донце убил, и он, Мишка, с ним не был и про совет ево и про збор к тому убивству не ведали, для того что донецкие городки от Черкаского в дальнем ростоянии.

И сведав де про убивство ево, князь Юрьево, войсковою бывшей атаман Лукьян Максимов с войском и он, Мишка, для поимки ево, Булавина, ходили и догнали ево, вора Булавина, на Айдаре в Закотенской станице. И был у них с ними, варами, бой. И ночью он, вор, от них ушел. И после ево побегу поймали они ево воровских советников человек со 100, и из них повесили 8 человек, а достальных, отрезав им носы, отослали на Волуйку, а Шульгинскую и Сватолуцкую, и Мелоброцкую станицы выжгли и пришли войском в Черкаской.

И в великой пост нынешнего 708-го году на третьей неделе в марте месяце по выбору в Черкаском бывшего войскового атамана Лукьяна Максимова с войскам послан он, Мишка, ис Черкаского с козаком с Харитошкою Абакумовым на Бахмут, [134] которому в том городе велено быть атаманом, а

ему, Мишке, да другому казаку Левке Быкодерову ясаулами для збору денег с саловарных печей и с торговых лавок на церковное строенье.

И в петров пост вор Серешка Безпалой приходил к ним на Бахмут, а с ним воровского собрания было блиско 1000 человек, для встречи запорожских казаков, которых шло к ним, ворами, 300 человек. И вышеписанной атаман Харитошка Абакумов и он, Мишка, и бахмуцкие казаки ево, Безпалого, встретили с хлебом и с солью, убоясь ево, для того что их на Бахмуте малоллюдно. И был оной вор у них судки. И будучи, лошадей и ружье, и седла вое пограбили и, вышед з Бахмута с полверсты, встретили вышеписанных запорожских Козаков и, спедчись, пошли на нис по Бахмуту к Ямполью. А з Бахмута с ним, Безпалым, пошло бурлаков с 500 человек. А из бахмуцких жителей он, Мишка, и вышеписанный атаман, и ясаул с ним, Беспалым, не ходили.

А как де Сенька Драной с воровским своим собранием сумского полковника и ево полку Козаков побили и обоз взяли, и после того под Ямполем сошлись с Серешкою Безпалым и з запорожцы. И как они ходили под Тор, и после того их, воров, Кропотов и Шидловской розгромили. И он, Мишка, в тех случаях с ними не был и про вышеписанной умысл и збор к тому воровству ничего с ним не советьгвал.

Только в тот день, как оных воров розбили, не ведая о том, написав они по совету своему письмо к Драному такое, что они, покиня Бахмут, убрався, идут жить в бояраки, для того что удержать им Бахмута от запорожцов невмочь и некем, потому что чинят у них грабежи великие. А к Драному итить не хотели. И то письмо послали было они с казаком Никиткою, прозвища не помнит, к нему, Драному.

И в вышеписанный розгром того их казака с тем письмом поймали брегоды Шидловского казаки. И на другой доя, приехав, Изюмского полку сотник Пересеченский, с которым было казаков и драгун с 1000 человек, город зажгли и бахмуцких казаков всех ропустили на волю, а ево, Мишку, да отамана Харитошку, да бахмуцкого казака Исачку Федорова, взяв, привели к брегодиру Шидловскому.

А про приход под государевы русские города, также и к Москве для бунту, ни о каком совете и от шведа и от иных присланных из Москвы, ни от кого ни х кому прелесных писем к бунту он не видал и не слыхал. А опричь де того с вором Буловиным и с Хохлачом, и з другими их единомышленники нигде он не бывал.

Акимка Романов, житель города Валуйки. Отец де ево по тому городу служил в станичниках. А ис того города в Черкасской он сшол тому ныне 35 лет и служил в Прибылой станице в казаках. И тому де больше 10-ти лет сшол он ис Прибылой станицы в Гундоровскую станицу.

И как де вор Булавин князь Юрья Долгорукова убил, и он де с ним, Буловиным, в то время не был и о замысле ево к тому убийству с ним не умышлял. И был де он в то время в Черкасском по исцову челобитью. А о том де убийстве уведал он в Черкасском от казаков, которые с тою ведомостью приезжали в Черкасской к бывшему атаману Лукьяну Максиму, а как тех казаков зовут и от каго они присланы или собою приезжали, того он не ведает.

И по той де ведомости атаман Лукьян Максимов за вором Кондрашкою Булавиным для поимки ево ходил в поход в Закотной станице. И он де, Акимка, с атаманом с Лукьяном Максимовым в том походе был. И ниже де Закотного он, вор, был от них осажен в лесу и сидел в осаде больше часа. И ис той осады он, Булавин, ушел. А единомышленников ево многих побрали и вешали, а иных в воду сажали и носы резали, и выбили ис казачьих городков вон, чтоб их на Дону в городках не было, а иных многих отдавали калмыкам. И ис того де походу атаман возвратился на Дон, а он де, Акимко. и другие козаки отпущены были по домом.

И нынешней де весны в Петров пост Сеньки Драного сын Мишка, приехав к ним в Гундоровскую станицу, и ружье, которое у них было, отобрал и отдал бурлаком, и выбил ис той станицы всех казаков и ево, Мишку, в поход в урочище на речку Красную. А сказал, что на службу, а против ково имянно не сказал. И по тому де наряду он, Акимка, пошел в тот поход с своею братьею вместе без ружья. И на [135] речке Красной Сенька Драной, дождав их и ево, Мишку, пошли под Тор для взятья пороху, а про тот де порох говорил Сенька Драной, как де под Тор пришли. И ис того города из осады убили у него, Сеньки, бурлаков человек с 30. А он де, Акимко, на том приступе не был, был в абозе, которой абоз стоял от Тору в полуторе версте.

И уведав де он, Сенька, о приходе государевых полков, от Тору отступил к Довцу. И в урочище на Кривом Рогу, догнав их, изюмской полковник с казаками и другими полки розбили и многих побили. А он де, Акимка, ушел в лес. И на другой день в том лесу нашли ево изюмские казаки и привели к ызюмскому полковнику.

А про приход под государевы городы, также и к Москве для бунту ни о каком совете и от шведа и из ыных стран присланных никого не видал и ни о каких письмах ничего не слышал и с Москвы о бунте присланных никого и писем никому никаких не видал.

А опричь де того с вором Булавиным и с Хохлачем, и з другими ево единомышленники нигде не бывал.

Петрушка Семейченко, житель города Козлова, сшел в донские городки в малых летех с отцом своим в Черкасской, а ис Черкасского де тому с 16 лет сшел в Луганской городок.

И как де князь Юрья Долгорукова вор Булавин на Донце убил, и он, Петрушка, и другие Луганского городка в то время никто с ним не были и про совет ево и про убор к тому убивству не ведали.

И после де великого поста на третей неделе под их Луганской городок пришел присланной от вора Булавина Сенька Драной, а с ним с 400 человек, и говорил, чтоб они ему здались. И они ему в то время не здались.

И после де того, помедля с неделю, прислал к ним вор Булавин прелесное письмо, чтоб они ему здались. И они де то письмо изодрали и ему не здались.

А после того, помешкав недели з две, пришел вор Сенька Драной под Луганской городок, а с ним было с 1000 человек, и прислал к ним, чтоб они им здались. И они де, видя свое безсилие, ему, Драному, и здались. И были с ним, Драным, против государевых людей, полковника Кропотова и других.

А на бою де он, Петрушка, в то время не был, для того что вор Драной, взяв их городок Лугань, пожитки и ружье у них отобрал, и ружье и лошадей роздал голутьбе, а их взял пеших и безоружейных. И был в то время вь яруге. И на другой день после того бою, ис той яруги вышед, пошли было в государевы полки. И на дороге де взяли их государевы люди и привели к брегодиру Шидловскому.

А про приход под государевы города, также и к Москве для бунту ни о каком совете и от шведа и из ыных стран присланных из Москвы ни х кому никаких ни от кого не видал и не слыхал.

А опричь де того с вором Булавиным и с Хохлачом и з другими их единомышленники нигде он не бывал.

Черкашенин Юрко Бутылевич, житель города Стародуба, таму третей год сшол из Стародуба в Сечю, а из Сечи был на рыбном промыслу в Великом Лугу. И после де Светлова христова воскресенья, умедля з 2 недели, приехав в тот Луг, вор Сенька Драной, а с ним 1000 человек, разорил б пасек и выжег, и скотину и рыбу, и ружье, что было, побрал. А ево, Юрку, с товарищем, свезав, взял к себе и привез под Тор. И как де ево, Драного, розбили, и он, Юрка, ушол в лес, и в лесу начевали, и поутру пошли к брегодиру Шидловскому. И, не допустя их до полку, взяли Изюмского полку казаки и привели к нему, брегодиру. А в замысле де он, Юрка, с Сенькою Драным не был. Только де он слышел в переговорках, что вор Сенька Драной, сошедчись с вором Булавиным, одни говорили итить побить рандырей, а другие говорили, что итить в Русь побить бояр. А от шведа де и от иных присыльных, и с Москвы он, Юрка, никово не видал и ни о каких письмах ничего ни от каго не слыхал. А опричь де того с вором Булавиным и с Хохлачом, и з другими их единомышленники нигде не бывал. [136]

Чернецы сказали.

Один сказал. Даниилом зовут, родился в городе Опошне. Гетманского regimentу отец его служил козачью службу и в Чигиринском походе убит. А он, Даниил, сшел после того походу в скорых числах в Мояцкой городок и был в том городке у церкви Покрова пресвятыя богородицы дьячком и белым попом. И тому ныне 4-ой год он, Даниил, постригся во Святогорском монастыре, которой от Мояцка в трех верстах. И после того в скорых числах того монастыря бывшей игумен Иона послал его на Бахмут для промыслу соляных заводов и приказал в церкви священствовать.

И как приходил вор Безпалой к Бахмуту для прельщения казаков, а с ним было воровского собрания з 200 человек, и в то время того города атаман Харитошка Абакумов присылал к нему, Даниилу, ясаула своего Левку Артемонова, чтоб он вышел навстречу того вора Безпалого со крестом. И он де, Даниил, вышел со крестом и съ евангелием по трех присылкам от атамана, убоясь тог о вора Безпалого, и чтоб они монастырского [имущества] не пограбили и его не убили. И, идучи против того вора, пели стих «всемирную славу». И он де, атаман, вышел с хлебом. И вор де Безпалой у того атамана хлеб принял и, у креста не быв, поехал в свои станции.

А он де, Даниил, возвратись, в станичной избе читал ектений за государево здоровье о победе врагов (**Г. е. над врагами**), которые ему, великому государю, чинятца противны, а не за воров и бунтовщиков.

А дьякон Демятьян на встрече с ним не был, был в то число в Святогорском монастыре, посылал его он, Даниил, с солью. И после того тот дьякон прислан к нему, Даниилу, с лошадьми, на которых велено на соляной промысел дрова возить и с ним быть для вспоможения. Также де и монахи Герасим и Сильвестр навстречу с ним не были ж. А был де с ним, Даниилом, на встрече другой дьякон Кесарии, которой пошел в Киев через Полтаву.

А прежде де воровского Безпалого приходу прихадил на Бахмут бахмуцкой житель вор Тишка Белогородец с такими ж ворами, а с ним было человек с 30 и больше. И в то время он, Даниил, со крестом против его к станичной избе выходил, и тот Тишка у креста был. А велел да ему итить со крестом ясаул Левка, который к нему приходил з другими казаками, и сказывал он, Левка, что велел ему итить атаман Харитошка. И в том де, что по него приходил тот Левка, шлетца на монахов, которые с ним привезены, на Герасима да на Селиверста. А после той встречи в тот же день тот вор Безпалой приезжал к нему, атаману, обедать с малыми людьми. А какое у них было согласие, того он не ведает. И в тот же день вор Безпалой призывал его, Даниила, в круг, и спрашивал, хто про Буловина что говорили, и он ему сказал, что ни за кем ничего не знает.

А как де присланы на Бахмут государевы люди и выжгли, и в то время он пошел из Бахмута по-прежнему в Святогорской монастырь. И, идучи дорогою, явился он брегодиру Шидловскому. И он де, Шидловской, для провожанья дав ему проводника, отпустил в тот монастырь. А молебнов де он, Даниил, к злomu их намерению не певал и воды не святил и, будучи де на Бахмуте, молебны певал

звычайныя богомольцом па абяцанню, якія прыезжалі ў тат горад радзі пакупкі солі. А опрыч дэ тота ні за кем нічэга не знает.

Другой сказал. Дементьяном зовут, родился в Красном Коту, какова отца сын — не помнит. И тому лет с 7 шол он в Святогорской монастырь, и в том монастыре тому года с 4 пострижен и посвящен во диаконы.

И в нынешнем де 708 году в июне месяце послал ево того монастыря архимандрит з братиею в город Бахмут для взятья соли про монастырской обиход к вышеписанному священнику. И в то время приходу воровского под Бахмут никакова не было, кроме того, что стояли под Бахмутом те же бахмуцкие жители, которые пристали к ворах, к Драному и к Беспалому. И те де казаки бахмуцким жителем всякое разорение чинили. [137]

А как присланы на Бахмут ис полков и Бахмут выжгли, и он де в то время пошел вместе с вышепомянутым монахом в тот же Святогорской монастырь.

А бахмуцкой атаман Харитошка Абакумов какое согласие с теми ворами имел ли или нет, того он не ведает, потому что жил он, диакон, в том городе малое число и на встречу против Беспалого со крестом с попом Даниилом он не выходил.

Третьей сказал. Герасимом зовут, житель был города Переславля-Рязанского, служил в рейтарех, был де он на службе великого государя на Таганьрогу з думным дворянином с Иваном Ивановичем Щепиным. И во время де Керченского походу на кароблях по ево челобитью и по розсмотрению боярина Алексея Семеновича Шеина велено ево постричь в Азове в Предтеченской монастырь.

И в нынешнем 708 году выслал ево ис того монастыря архимандрит в Бахмут к соляному промыслу. И при бытности ево вор Беспалой приходил под Бахмут п разорение всякое чинил. И в то де время атаман Харитошка Абакумов встречал того вора с хлебом, также и черной поп Даниил со крестом выходили. А под неволю ль де он, монах, или самовольством выходил, того он не ведает, потому что он был в то время в своих соляных варницах за рекою Бахмутом.

А прежде де воровского Беспалого приходу приезжал в Бахмут бахмуцкой житель Тишка Белогородец, а с ним было человек с 30 или больше. И в то время поп Даниил со крестом против ево, вора, выходил. А велел де ему итить ясоул Левка, а по атаманскому велению или собою, того не ведает.

А как пзюмские казаки город выжгли, и он, Герасим, пошел с вышеписаннымд монахи во Святогорский же монастырь. А в Азов не пошел, для того что опосался в дороге воровских людей — булавиц. А по усмирении де того бунта хотел он, Герасим, иттить ис того монастыря в Азовской монастырь. А согласия де у атамана Харитошки Абакумова с теми ворами какое было ль о том ни о чем не ведает.

Четвертой сказал. Селиверстом зовут, житель города Ельца, посажкой человек. А ис того города сшол он в Острожской тому лет з 10 или больше. И в том городе Опасного монастыря архимандрит Амвросий постриг ево в болезнии тому ныне 7-ой год. И ис того монастыря по благословению Митрофана, епископа воронежского, перешел на Елец в Троецкой монастырь.

И в прошлом 707-м году в сентябре месяце послал ево того монастыря игумен Варсонофей на Бахмут и в козацкие городки для збору на церковное каменное строение и милостыни, и дал ему проежее письмо за своею рукою, которое иныне в целости; также о том ево отпуску свидетельствуют зборные книги.

И при бытности де ево вор Безпалой под Бахмут приходил, и поп Даниил со крестом выходил. А у бахмуцкого атамана с теми ворами согласие было ль, не ведает. И по разорении того города пошол он в Святогорской же монастырь с вышеписанными монахи. И, идучи де дорогою, явились они брегодире Шидловскому. И он де, брегодир, их от себя, дав им проводника, отпустил в тот монастырь.

А прежде де воровского Безпалого приходу приезжал в Бахмут бахмуцкой житель Тишка Белогородец, а с ним было человек с 30 или больше. И в то время поп Даниил со крестом против ево, вора, выходил. А велел де ему итить ясаул Левка, а по атаманскому ль велению или собою, того не ведает.

А в ыгуменском письме, которое он объявил при том роспросе, за игуменскою Ворсонофьевою рукою написано: сентября 17-го дня 707-го году отпушон он, Селиверст, сь Ельца ис Троецкого монастыря с 3-мя человеки до Бахмута и в казацкие городки для збору на церковное строение и милостыни. Да при том же письме объявил он записку зборным деньгам, хто что дал в церковное строенье.

Подлинное доношение за приписью дьяков Ивана Чередеева, Федора Ефимьева, за справою подьячего Савостьяна Гермонова.

И августа в 19 день по указу великого государя, бояря, будучи в Ближней канцелярии, приговорили вышеписанных воров и роспросные их речи для подлинного розыску отослать из Розряду в Преображенской приказ. **[138]**

Подлинной приговор за приписанием министерскими руками тако:

*Иван Бутурлин, князь Михайло Черкасской,
князь Федор Ромодановской, Тихон Стрешнев,
Иван Мусин-Пушкин, князь Петр Львов, Матвей
Гагарин, князь Лука Долгорукий, Никита Хитрово,
Автамон Иванов.*

С сего доношения и з боярского приговору список за закрепою дьяка Ивана Чередеева принял розрядной подьячей

Савостьян Германов августа 20 дня.

ЦГАДА. Разряд IX. «Кабинет Петра I», отд. I, кн. 18, ч. 1, лл. 594-606. — Копия.
Другая копия: ГПВ им. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел. Эрмитажное собрание,
д. 559, лл. 255 об.-256.

№ 4

Донoшение Разрядного приказа в Ближнюю канцелярию с приложением распросных и пыточных речей пленных булавицев и приговор Ближней канцелярии

(Из записи на полях о смерти первого из перечисленных в документе
булавицев следует, что пленных допрашивали в Разрядном приказе уже в
августе 1708 г.)

28 сентября 1708 г.

Присланные с Воронежа булавицы в Разряде в роспросех и с пыток говорили.

Зотка Болотов, житель города Шацка, крестьянин боярина Льва Кирилловича Нарышкина. Сшол на Хопер в Пристанской городок да Азовского первого походу за 2 года з женою и з детьми, тому 15 лет (*На полях против этого абзаца запись: Августа против 17 числа в ночи умер Зотка Болотов*).

За две недели до святыя Пасхи вор Булавин пришол к Пристанскому городку. А с ним было воровского собрания с 4000 человек. И быв у того городка четверы сутки, пошол с теми ворами к Черкасскому сухим путем и плавною, чтоб побить стариков за их неправду, что они реку продали бояром.

А з Бузулуку Островской станицы козак Лучка Хохлач охотою остался при том Пристанском городке с охотники, а с ним было 90 человек. И Булавин ему приказывал, чтоб стоял на zostаве, чтоб он никого мимо того городка в русские города не пропускал и сказывал бы тем приезжим, что он, Булавин, пошол на воровать — реку усмирять.

И он де, Лучка, начевав одну ночь у Пристанского городка, с вышеписанными охотники пошол под Танбов для отгону конских стад и, пригнав оттуды с 300 лошадей, дуванили между собою. И он де, Зотка, с ним, Хохлачом, под Танбовым не был. И, раздуваня тех лошадей, быв в Пристанском городке, тот Хохлач пошли на Битюк и, розблв воеводу, пришли в Пристанской городок по-прежнему. А он, Зотка, на том воровстве не был.

А после того он же, Хохлач, ходил на речку Куртлак, а с ним было с пол 2000 человек (*Т. е. 1500 чел.*), и ево, Зотку, и других Пристанского городка казаков взял он с сабою. И на той де речке государевы люди их розбили и многих побили, а иные потанули. А он, Зотка, на том бою был с ручницею.

А про приход под государевы города, также и к Москве, для бунту ни о каком совете он, Зотка, ни от кого не слыхал, и от шведа и от иных и с Москвы

присланных но видал, и ни о каких письмах ничего не слыхал же. И в города от него, Хохлача, [139] пересылки к возмущению народа к бунту были ль, того он не ведает. И сам он, Зотка, никуда не послан.

А как де Булавин князь Юрья Дологорукова на Донце убил, и он де, Зотка, и пристанские казаки с ним не были и про умысл ево не ведали, для того что донецкие городки от Хопра в дальном ростоянии.

Да он же, Зотка, сказал. Тому де лет з 10 или больши ехал он ис Черкасакого, и с ним де случился в пути Зиновей Барыбин, а скозался казловец, вел дву лошадей, а сказывал, что он тех лошадей купил в Черкаском по письму сына своего, про которого сказал: на Москве в подьячих а в котором приказе, о том ему не сказал. А воровства де за ним, Зиновьем, никакова и возмущения к бунту в то время не ведал и ныне не знает, и писем от него, Зиновья, и от сына ево, про которого сказал на Москве, ни х кому о возмущении к бунту не видал и ни от кого не слыхал, и того сына ево, он, Зотка, не знает. А дети де ево, Зиновьевы, — одного завут Ефимкою, другога — имени не помнит, — живут на Хопре в Беляевской станице, от их Пристанской станицы в трех верстах. А сколько лет сошли — того он не знает; только как он в Пристанскую станицу пришел, а они да ево приходу в Беляевской станице жили юртами.

Да он же, Зотка, будучи в Пристанском городке, слышел от тех воров, которые были на Битюку с Хохлачом, что их к бетюцкому приказному привел Зиновьев сын Барыбина Ефимко, и им де они похвалялись, что он их провел прямою дорогою.

Было ему 10 ударов.

Кирюшка Суровцов. Родился на Хопре в Урюпияском городке и свезен в Пристанской городок в малых летех, отца не помнит. А про Хохлача сказал, что вор Булавин при отъезде своем от Пристанского городка послал ево под Танбов для отгону лошадей. А он, Кирюшка, с ним под Танбовым не был.

А на речке Куртлаке с Хохлачом он, Кирюшка, был, а с ним было с пол 2000 человек. И на той речке всех их разбили и многих побили. А он на том бою был с ручницею.

Да он, же, Кирюшка, сказал: Зиновья де Борыбина, которой наперед сего жил в Беляевской станице в казаках, он знал; и ис той станицы сшол он в Русь, а в кото рой город и сколь давно и воровство за ним какое было ль — того не знает. А дети до ево: Елфимко, другой — Кирюшка, живут в Беляевской станице в казаках. И на Битюке в Бобровском городке для грабежу государевой казны и для разоренья при казного был он, Кирюшка Барыбин, с Хохлачом приводцом, для того что он, Ки рюшка, откупал в тех местех юрты для звериные ловли, и те места были ему ведомы. А как де был у них бой на Куртлаке з государевыми людьми, и Кирюшка де Барыбин на том бою подлинно был и он ево видел с

пищалью. А жив ли он или убит — не ведает. А Елфимки на том бою он не видал.

А с Москвы де ни от кого ни х кому прелесных писем к бунту он, также и от шведа и из ыных мест, никакой посылки он не видал и не слышал.

Было ему 11 ударов.

Игнашка Чакалин, житель города Шацка, Чернеева монастыря крестьянин. Сшол на Хопер в Пристанской городок тому 16 лет.

Под Танбовым де с Хохлачом для отгону лошадей он, Игнашка, был и з дувану до досталось ему 2 жеребенка трехгодовалые. А сказывали про тех лошадей, что они князь Григорья Волконского. Да он же, Игнашка, был с ним, Хохлачом, на Битюке — розбили воеводу, и з дувану досталось ему денег 5 рублей. Да он же был с Хохлачом же на речке Куртлаке на бою с ручницею. Да он же, Игнашка, сказал: с Москвы де он ни от кого ни х кому прелесных писем к бунту, также и от шведа и из ыных мест никакой посылки он не видал и не слышал.

А Зиновья Барыбина, которой наперед сего жил в Беляевской станице в козаках тому ныне лет с 16, он, Игнашка, знал и воровства за ним никакова не видал; а дети ево, Елфимка, а другой Кирюшка, живут в Беляевской станице. И на Битюке в Бобровском городке для грабежу государевой казны и разоренья приказного был он, Кирюшка, с Хохлачом приводцом. А идучи де для того воровства, на дороге говорил [140] он, Кирюшка, с Хохлачом: естли де им на Битюке им не удастся, и они де хотели шить в Козловской уезд к отцу ево, Кирюшкину, к Зиновью Барыбину для отгону лошадей з двора ево, которой двор построен у него в степи от Козлова в 15-ти верстах. А тот де их воровской поход учинился от него, Кирюшки. И был де он, Кирюшка, в том походе есаулом. А как де у них был бой на Куртлаке, и Зиновьевы де дети Борыбина, Елфимка и Кирюшка, на том бою были ж рядовыми, а живы ль или побиты — не ведает.

Было ему 15 ударов.

Ларька Мамонтов, козловец. Сшол с отцом на Хопер в Правоторовского станицу болыпи 30 лет.

Вор де Булавин, будучи у Пристанского городка, присылал в Провоторовскую станицу от себя дву человек, чтоб они тою станицею шли с ними вместе к Черкасскому. И той станицы атоман и все казаки ему в том отказали и в воровском ево походе не были.

И Лучка де Хохлач присылал в ту Провоторовскую станицу письмо, чтоб они тою станицею шли к нему на заставу на Савалу, а естли де не пойдут, и как к ним будут калмыки для розоренья, и он де их выручать не станет. И по тому письму той станцыи отаман и казаки послали ево, Ларьку, да с ним 5 человек на

тое заставу для проведыванья о калмыках з жеребья. И он де, Лучка, с той заставы пошел на речку Куртлак, против полков и их взял с собою. И на той речке всех их розбили. А он де, Ларька, на том бою был с копьем.

А под Танбовым де для отгону лошадей и на Битюке для розаренья с Хохлачом он, Ларька, не был.

Да он же, Ларька, сказал, что с Москвы о бунте писем и от шведа, и ни откуда ни х кому он не видал и не слышал, и Зиновья де Борыбина он не знает, только об нем слышал, что он живет в Казлове, а есть ли у него дети, и сколько, и где — в донских городках или на Москве — того не ведает, и их, Барыбиных, в лицо никою не знает.

Было ему 13 ударов.

Сенька Киндинов, родился на Хопре, в Бесплемянной (**В Эрмитажном списке ошибочно: Белоплемянной**) станице.

Лучка де Хохлач присылал в ту станицу письмо, чтоб они тою станицею шли к нему на поставу на Савалу для совету, чтоб государевы люди городков их не жгли и не розоряли. И по тому письму той станицы атаман и казаки послали ево, Сеньку, да с ним 4-х человек, на тое заставу з жеребья. И он, Хохлач, пошел на речку Куртлак и их взял с собою. И на той речке всех их государевы люди розбили. А он де, Сенька, на том бою был с пищалью.

А под Танбовым де для отгону лошадей и на Бетюке для разоренья с Хохлачом он, Сенька, не был.

Да он же, Сенька, сказал, что с Москвы о бунте писем и от шведа и ни откуда ни х кому он не видал и не слышал, и Борыбиных никого он не знает, и ни от каго об них ни о чем не слышал же.

Было ему 13 ударов.

Ефимка Мазлов, танбовец. Сшол на Хопер в Зотовскую станицу больше 20 лет. А ис той станицы тому третей год перешол он в Усть-Медведицкую станицу.

А вор Булавин, будучи у Пристанского городка, присылал к ним в станицу письмо, чтоб они тою станицею шли с ним вместе к Черкасскому для перемены старшин. И той станицы атаман и все казаки ему в том отказали, и в воровском ево походе не были.

А Лучка Хохлач присылал в ту станицу, чтоб они тою станицею шли к нему, на заставу, а естли де не пойдут, и он ту станицу хотел выжечь и вырубить. И по тому де письму той станицы атаман и казаки послали ево Ефимку да с ним 2 человек на тое заставу и велели ему, Ефимке, с товарищи ему, Хохлачю, сказать, что они тою станицею с ним нейдут. И они, приехав к нему, Хохлачю, к речке Куртлаку, **[141]** те слова говорили, и он, Хохлач, одного из них заколол до

смерти. А он, Ефимка, з другим товарищем ему, Хохлачу, говорили: хотя де и их он поколет, и они де с ним на бой нейдут. И он де Хохлач, у него Ефимки, отняв лошедь и ручницу, отдал охотнику, которой при нем, Лучке, был.

Да он же, Ефимка, сказал, что с Москвы о бунте писем и от шведа ни откуда и ни х кому он не видал и не слыхал.

Было ему, Ефимке, 13 ударов.

Акимка Фомин, житель был города Шацка, салдацкой сын. Сшел из Шапка на Бозулук в Алексеевскую станицу больше 20 лет:

Под Танбов де с Хохлачом для отгону лошадей он, Акимка, был, и з дувану досталось ему кабыла. Да с ним же де, Хохлачом, присылал в ту станицу письмо, чтоб они тою станицею шли к нему на заставу для совету. И по тому письму (**В Эрмитажном списке: совету**) той станицы атаман и казаки послали ево, Акимку, да с ним 9 человек на тое заставу з жеребья. И он, Хохлач, пошел на речку Куртлак и их взял с собою. И на той речке всех их государевы люди розбили. А он де, Акимка, на том бою был с винтовкою.

Да он же, Акимка, сказал: с Москвы о бунте писем и от шведа и ни откуда, ни х кому он не видал и не слыхал, и Барыбиных де никого он не знает, и ни от кого об них ни о чем не слыхал же.

Было ему 13 ударов.

Тимошка Авчинников, танбовец, служил в баробанщиках. Сшол на Хопер в Тишанскую станицу тому 15 лет. А ис той станицы сшол на Чорную Калитву в Дехтеву станицу.

За две недели до святыя Пасхи из Дехтевой станицы пошел он, Тимошка, на Усть Бузулуцкую станицу для покупки себе лошади. И как де он в ту станицу пришел, и от Лучки Хохлача по письмам велено пришлых бурлаков, имая, отсылать к нему, Хохлачу, в обоз. И той де станицы казаки пошли к нему, Хохлачу и ево взяли с собою, и пришли к Пристанскому городку. И от Пристанского де городка он, Хохлач, с ворами пошли к речке Куртлаку, и ево, Тимошку, взял с собою. И на той речке всех их государевы люди розбили. А он де, Тимошка, на том бою был с копьём.

А под Танбовом де для отгону лошадей на Бетюке в Бобровском городке для розоренья с Хохлачом он, Тимошка, не был.

Да он же, Тимошка, сказал: с Москвы де о бунте писем и от шведа и ни откуда, ни х кому он не видал и не слыхал, и Барыбиных де никого он не знает и ни от кого об них ни о чем не слыхал же.

Было ему 5 ударов.

Уварка Апупков, Резанского уезду, князь Юрьев крестьянин- Одоевского. Сшол на Бузулук в Мартиновекую станицу тому 7-й год.

Лучка де Хохлач присылал в ту станицу письмо, чтоб они тою станицею шли к нему на заставу на Савалу для совету, чтоб государевы люди городков их не жгли и не розоряли. И по тому письму той станицы атаман и казаки послали ево, Уварку, да с ним 9 человек на тое заставу з жеребья. И он, Хохлач, пошел на речку Куртлак и их взял с собою. И на той речке всех их государевы люди розбили. А он де, Уварка, на том бою был с копьём.

Да он же, Уварка, сказал: с Москвы о бунте писем и от шведа и ни откуда ни х кому он пе видал и не слыхал, и Барыбиных де он никого не знает, и ни от кого об них ни о чем не слыхал же.

Было ему 9 ударов.

А о убивстве князь Юрья Долгорукого вышеписанные все — Кирюшка Суворцев, Игнашка Чекалин, Ларька Мамонтов, Сенька Киндинов, Ефимка Мазлов, Акимка Фомин, Тимошка Авчинников, Уварка Апупков в роспросех и с пыток говорили тож, что Зотка Болотов.

Мишка Иванов, природою черкашенин, пришол из Борзны с отцом на Изгон, а в котором году не упомнит. А с Изюма сшол в Черкаской после азовского взгорья, [142] умедля 2 года, и, будучи в Черкаском, жил бурлаком. А ис Черкаского пришол в Азов и ходил у полковника у Николая Васильева в деньщиках с полгода. И он написал ево, Мишку, в свой полк в конную службу; и служил в том полку 5 лет (*На полях запись: По справке в азовских наличных списках, которые присланы в Розряд генваря 18-го дня нынешнего году, Мишка Иванов написан в том полку в первой роте*).

И в нынешней де великой пост, на 3-ей недели великого поста послан он из Азова от губернатора Толстого в Тонбов с отписки того же полку з Говрилом Тимофеевым. И ехали да Пристанского городка, что на Хопре. И в том городке вор Хохлач посланные с ними письма и лошадей у них отобрали и те письма все подрали, а ево Мишку, и таварыща ево держали за караулом с 3 недели. А ис Пристанского де городка тот Хохлач пошел на речку Куртлак, а ево, Мишку, и товарища ево взял с собою и дал им свои лошади и ручницы. И на той де речке государевы люди их, воров, разбили.

А о злом де намерении запорожцев ничего и ни от кого он не слыхал и сам в Зопорожье не бывал, и присланных оттуды никово не видал, и ни о каких письмах ничего не слыхал же. А будучи до в Азове, с вором Булавиным и съ ево советники согласия и пересылок у него, Мишки, не было, и у азовских ратных людей к злому намерению Булавина ничего он не слыхал.

А по отъезде ево из Азова осталось в том городе жена ево с сыном да з дочерью.

Да он же, Мишка, сказал: с Москвы о бунте писем и от шведа, и ни откуда ни х кому он не видал и не слышал; и Барыбиных де никого он не знает и ни от кого об них ни о чем не слышал же.

Было ему 13 ударов.

И сентября в 28 день по указу великого государя бояра, будучи в Ближней канцелярии, слушев сего доношения, приговорили: вышеписанных воров буловинцов и роспросные их и пыточные речи из Розряду для розыску отослать в Преображенской приказ, для того что такие ж воры булавинцы из Розряду отосланы наперед сего и розыскивают в том приказе.

Под подлинным приговором подписано министерскими руками тако:

*Князь Федор Рамодановской, Иван Большой Бутурлин,
князь Михаила Черкасской, Алексей Салтыков, Юрья
Нелединской-Мелецкой, Матфей Головин, Любим
Домнин, князь Михаил Волконской.*

С сего доношения и з боярского приговору описок из Ближние канцелярии за крепкою дьяка Федора Дубасова принял розрядной подьячей *Савостьян Германов*.

*ЦГАДА. Разряд IX. «Кабинет Петра I», отд. I, кн. 18, ч. 1, лл. 619-628. — Копия.
Другая копия: ГПВ им. Салтыкова-Щедрина, Рукописный, отдел. Эрмитажное собрание,
д. 559, лл. 5 об. — 10 об.*

Текст воспроизведен по изданию: Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив, № 6. 1960